

misterium

misterium

**РУТ
РЕНДЕЛЛ**

ЭКСТУМАЦИЯ ЮНОСТИ

Москва
2015

УДК 821.111-312.9
ББК 84(4Вел)-44
Р39

Ruth Rendell
THE GIRL NEXT DOOR

Copyright © 2014 by Kingsmarkham Enterprises Ltd. This edition published by arrangement with United Agents LLP and The Van Lear Agency LLC

Иллюстрация на переплете *Анатолия Дубовика*

Ренделл, Рут.

Р39 Эксгумация юности / Рут Ренделл ; [пер. с англ. В. В. Найденова]. — Москва : Издательство «Э», 2015. — 352 с. — (Millennium. Английский детектив).

ISBN 978-5-699-83561-4

Во время войны дети, живущие в лондонском пригороде, обнаружили под землей сеть тоннелей и превратили их в свое тайное место для игр. Прошли десятилетия, друзья выросли, состарились, обзавелись внуками и правнуками. И вот компания вновь собирает вместе жуткий повод: строители обнаружили в тех самых тоннелях человеческие кости. Две кисти рук, мужская и женская, отрубленные как раз в те дни, когда друзья были детьми... Шансов на раскрытие преступления, совершенного полвека назад, немного. Но эта встреча заставляет стариков возобновить забытые знакомства, раскрыть хранимые десятилетиями тайны и в попытке переиграть прожитую жизнь пойти на новые злодеяния...

УДК 821.111-312.9
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-699-83561-4

© Найденов В.В., перевод на русский язык, 2015
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Э», 2015

Глава первая

Он был красивым молодым человеком. Мать уже с пяти лет хвалила его внешность. В детстве он регулярно слышал от взрослых: «Красивый ребенок» и «Ну разве он не симпатяшка?». Отец его так и не объявился. Школу он бросил в четырнадцать, тогда можно было, и отправился работать — сначала к одному садовнику, потом на скотобойню и, наконец, на косметическую фабрику. Вскоре в него влюбилась дочь хозяина. К тому времени ему было уже двадцать лет, и они поженились. Отец Аниты сказал, что не позволит транжирить наследство, доставшееся ей от бабушки, но сердце у него было все-таки доброе. Приданое, впрочем, оказалось не таким уж большим, но денег хватило, чтобы купить дом в Лоутон-хилле, что всего в двенадцати милях от Лондона. Сам Вуди — так его звали мать, супруга и кое-кто из школьных приятелей — терпеть не мог работу и решил до конца жизни больше ничем не заниматься. Сейчас можно было вполне довольствоваться унаследованными супругой деньгами, но вот что делать со своей жизнью, он не знал. Ему было всего двадцать три.

В те дни нужно было жениться. Здесь двух мнений быть не могло. Сожительство считалось едва ли не преступлением. Несколько лет они были вполне счастливы. Его мать умерла, и Вуди унаследовал ее дом и небольшое состояние. Затем умер отец Аниты. Вообще в 1930-е годы люди умирали намного раньше. Она была единственным ребенком, и теперь настала ее очередь получить родительское наследство. Оно оказалось намного больше того, что в свое время досталось ее мужу. Поскольку Вуди нигде не работал, он постоянно был дома и решил, что ради собственного же блага стоит все-таки приглядывать за супругой. Та часто навещала в Лондон, где покупала одежду и делала себе прическу. Иногда она пропадала там все выходные, чтобы, по ее словам, навестить бывших школьных подруг, которые теперь вышли замуж. Вуди на эти вечеринки не приглашали.

Пришла женщина, которая еженедельно убиралась у них в доме. Вуди казалось, что с уборкой вполне могла бы справиться и жена, он не раз говорил об этом, но все напрасно. Деньги платила Анита. Она даже толком не заботилась о ребенке и, насколько он мог видеть, почти не обращала на него внимания. Вуди где-то вычитал, что шестьдесят или семьдесят лет назад был принят парламентский закон, согласно которому замужним женщинам разрешалось единолично распоряжаться своими деньгами. Раньше они должны были передавать их мужьям. Он тут же возненавидел этот закон. Какой же замечательной могла быть жизнь, если бы все семейные средства принадлежали мужчинам!

Когда началась война, ему исполнилось тридцать. Вероятность быть призванным на воинскую службу росла с каждым днем. Вуди потерял покой. Но ему неожиданно повезло. На медосмотре он чувствовал себя, как всегда, хорошо — на этот раз, к сожалению, — однако доктор обнаружил шумы в сердце. Он сказал, что это результат перенесенного в детстве воспаления легких. Вуди помнил, как сильно тогда заболел и как волновалась за него мать. Но сейчас он был безумно рад и благодарен своему сердцу за эти столь своевременные сбои в работе. Врачу он полным сожаления голосом заявил, что чувствует себя хорошо и не сомневается, что доживет до ста лет.

У них в доме постоянно крутились друзья жены. Один из них приходил в мундире. Он был не так хорош собой, как Вуди, но мундир, без сомнения, добавлял ему привлекательности. Другого молодого человека, жившего по соседству, можно было часто встретить на кухне, где он заваривал себе чай, или в гостиной, где он пил этот чай в обществе Аниты. По большому счету, он был не слишком обаятелен.

— Ты обо всех судишь по внешности, — говорила ему жена. — Это все, что для тебя имеет хоть какое-то значение.

— Я тебя выбирал тоже по внешности. А что, этого мало?

Если бы жена захотела изменить ему, ей негде было бы скрыться. Но любовь или влюбленность — такая штука, лазейку всегда отыщет. Откуда ему было знать, где на самом деле бывала Анита, когда, с ее слов, навещала подруг? Его жена была рыжая, с темно-синими глазами, а у ее друга — того, что в

мундире, — были глаза такого же цвета и русые волосы. Однажды днем Вуди зашел на кухню, чтобы взять деньги из жестяной коробки из-под печенья, чтобы заплатить миссис Мопп. На самом деле уборщицу звали Мосс, но «миссис Мопп» звучало намного забавнее, чем «миссис Мосс». Женщина шла позади, ей не терпелось поскорее получить свои деньги и потому не хотелось упускать из виду хозяина дома.

Анита сидела за кухонным столом, держась за руку с женщиной в мундире. Ее рука лежала на скатерти, а ладонь мужчины лежала сверху и прижимала ее. Когда Вуди вошел, оба сразу убрали руки под стол, но он все равно успел заметить. Вуди расплатился с миссис Мопп и, не говоря ни слова, вышел из кухни. А парочка так и осталась сидеть, молча опустив глаза.

Вуди ощутил холодную злобу. Холодную и расчетливую. Но как только он почувствовал ее, злость начала расти, и постепенно он уже не мог думать ни о чем другом. Впрочем, с самого начала он знал, что не сможет жить, пока живы эти двое. Вместо того чтобы спать, он лежал в темноте с открытыми глазами и явственно видел эти руки: маленькую белую ручку Аниты с длинными острыми ногтями, окрашенными в нежно-розовый цвет, и темную ладонь мужчины со слегка растопыренными пальцами. В доме жил еще один член их семьи. Вуди сомневался, что Анита часто вспоминала о нем. Она совершенно игнорировала их ребенка. Однажды Вуди увидел, как жена промчалась через гостиную к входной двери и не заметила маленько-

го мальчика. Она налетела на него среди бела дня и сбила с ног. Вреда ребенку она не причинила, но даже не удосужилась поднять его с пола. Мальчику пришлось вставать самому, он заплакал. Он не станет сучать по матери и, наверное, будет рад от нее избавиться.

Прежде чем сделать то, что он задумал, Вуди забрал остатки денег из жестяной коробки и переложил в другую, меньших размеров, — из-под какао. На жестяной коробке были нарисованы кусочки песочного печенья, и сама она была достаточно вместительной, примерно двенадцать дюймов в длину, восемь — в ширину и три дюйма в глубину. Этого должно хватить, ведь их руки были маленькими...

Анита приезжала, потом уезжала. Ее сопровождал то мужчина в мундире защитного цвета, то еще какой-то — в гражданской одежде. Последний тип Вуди совершенно не волновал. Он исчезнет, как только не станет самой Аниты, и даже не зайдет справиться о ней.

Пришла миссис Мопп и убрала в доме. С ней они редко беседовали. Разговаривать было не о чем.

Мальчик ходил в школу, он мог это делать совершенно самостоятельно, он знал, что это нужно, и спорить на эту тему бесполезно. Он разговаривал с миссис Мопп, и, казалось, она ему нравится, но Вуди это было неинтересно. Он часто думал о деньгах Аниты — эти размышления отнимали у него много времени и к тому же не давали выполнить задуманное. Он должен был как-то уговорить Аниту перевести ее тысячи — а этих тысяч было довольно много — на его банковский счет, но она была отнюдь не глупа и сразу заподозрила неладное.

— У нас с тобой нет совместного счета, Вуди, — сказала она. — Зачем тебе это нужно? Нет, даже не отвечай. Это было бы низко и бессмысленно. Мой ответ: нет.

Жаль, что она не согласилась. Но это его не остановило. И ничто бы не остановило. Лучшее, чего он смог добиться, — это завладеть ее чековой книжкой и выписать себе чек на сто фунтов. Большая сумма сразу возбудила бы подозрения. Как оказалось, обналичить деньги не составило труда, и он тут же пожалел, что не выписал себе вдвое больше. Теперь нужно было успеть до того, как она получит выписку из банка.

Об их прежней жизни Вуди не вспоминал. Он не думал о том, что когда-то назвал их «романом». Мысленно он никогда не возвращался даже к недавнему прошлому, заявляя всякому, кто заводил с ним подобную беседу: «С этим покончено, это больше не вернется. Какой смысл обсуждать это?»

Но так или иначе, не должно быть никакой крови. Он сказал Аните, что собирается погостить у тетушки Мидж в Норидже. Тетя была больна и, вероятно, собиралась оставить ему кое-какие деньги. Довольно неплохой повод для такого визита, в который супруга наверняка поверит. Он предполагал, что, как только уедет, Анита и человек, носивший защитный мундир, окажутся в постели — в *его* постели. Где-то после полуночи он собирался незаметно вернуться.

Все так и вышло! Они лежали в его постели и крепко спали. Заперев за собой дверь, он сначала задушил мужчину, потому что Анита была маленькой и слабой женщиной, которая не могла с ним тягаться.

ся. Затем, немного погонявшись за ней по комнате, он сбил ее с ног и задушил тем же кожаным ремнем, что и любовника. Вскоре все было кончено. Пятна на полу были только от его собственной крови — из царапин, — да и той немного. Он легко отрубил им кисти рук — пригодился опыт работы на скотобойне. Прежде чем положить эти две руки в жестяную коробку из-под печенья, он снял два кольца Аниты — обручальное и подаренное в день помолвки. Это было для него своего рода премией. Он совсем забыл об этих кольцах, когда рассчитывал, сколько денег сможет раздобыть. Конечно, их можно продать. Отправиться куда-нибудь подальше — в Девоншир или даже в Шотландию — и отыскать там ювелира, который отвалит ему много денег за бриллиантовое кольцо. Анита сама купила его. Ей хотелось иметь бриллиантовое кольцо, а он не мог за него заплатить.

На дворе был октябрь — это лучше, чем лето, потому что не нужно спешить избавляться от тел. Теперь, когда он отрезал кисти рук, которые когда-то гладили друг друга и переплетались пальцами, он едва ли понимал, зачем это сделал. Чтобы любоваться на них? Чтобы напоминали о его мести? Но все это было в прошлом. Он знал, что через день-два уже едва ли захочет вновь взглянуть на эти руки. Теперь нужно было спрятать их в надежном месте; мысли о том, что они там лежат, скрытые от посторонних глаз, будет вполне достаточно. Он обернул тела простынями и связал садовой веревкой.

А ребенок все проспал. Ему было девять лет — достаточно, чтобы наблюдать, пусть и не осознавая до конца происходящее. Вуди знал, что должен как-

то избавиться и от него. Нет, он не прочил ему ту же участь, которую уготовил Аните и ее любовнику. Майкл был все-таки его сыном, и это трудно было отрицать, поскольку мальчик был очень похож на своего отца. Не испытывая к нему особой любви, Вуди все-таки ощущал своего рода кровную связь с мальчиком. Майкл был *его* сыном и теперь, когда жены не стало, самым близким на свете человеком. Он мог бы все устроить так, чтобы больше никогда не увидеть его снова, но пролить кровь ребенка — нет, об этом не могло быть и речи.

Завернутые в простыни тела он отволок в летний домик и завалил дровами. Крышка жестяной коробки закрывалась очень плотно, поэтому никакого запаха не было. Он спрятал коробку в платяной шкаф Аниты, под теми самыми платьями, которые она любила себе покупать, но понимал, что со временем придется отыскать для нее другое место. Он спал в комнате, где убил обоих, и иногда вспоминал о жестяной коробке, но так и не решился открыть ее. Уже должен был начаться процесс разложения, и он боялся того, что увидит, и запаха, который почувствует, если осмелится открыть.

Он знал, где в последние два месяца собираются мальчишки — его Майкл и сыновья Норрисов и Джонсонов. Вместе с ними играли дети четы Бэчелоров из Тайсхерст-хилла, милашка Дафни Джоунс и маленькая Розмари. Они встречались в подземельях. Однажды он проследил за Майклом. Выждав полчаса, Вуди перешел через дорогу и добрался до входа в туннели. Дети уже собрались внутри, но с того места, где он стоял, их не было видно.

— Я знаю, что вы там, — выкрикнул он. — Выходите сейчас же! Игры закончены. Пора домой, и сюда вы больше не вернетесь. Нечего здесь делать! Слышите меня?

Дети, естественно, слышали его. И вышли один за другим. Дафни задержалась, чтобы задуть свечи. Она вышла последней и, на миг остановившись на влажной траве наверху, одарила его таинственной улыбкой, а потом отвернулась.

На следующий день явился полицейский. Он хотел поговорить с миссис Уинвуд. Вуди тут же выдал ему давно заготовленную историю. Якобы жена заболела и осталась в деревне у двоюродной сестры. Она собиралась приехать, только когда поправится. Полицейский не объяснил, зачем ему понадобилась Анита и возникли ли у него какие-нибудь подозрения. Выслушав Вуди, он просто ушел.

О том, чтобы отправлять мальчика к тетушке Мидж, не могло быть и речи: она была слишком стара и бедна. Но как насчет его кузины Зоу? Своих детей у женщины не было, но, с ее слов, она всегда о них мечтала. Бог знает почему. Она подумывала взять дитя из приюта, но пока так и не решилась; Майкла она видела пару раз, и мальчик ей сразу очень понравился. Она едва ли не грезилась о нем. Взять ребенка было несложно: достаточно согласия родителей. Зоу недавно вышла замуж, была уже не так молода, но деньги у нее точно водились. Зоу так хотелось этого ребенка, что ей было точно все равно, где Анита и что с ней. Довольно скоро все было устроено.

В назначенный день ему так не терпелось поскорее заполучить дом в свое полное распоряжение,

что он рано поутру отвез ребенка на станцию метро и усадил в поезд до Льюиса. Заранее приготовленные для мальчика бутерброды он второпях забыл на кухне. Но Майклу и не хотелось есть в такую рань. Глядя на сына в последний раз, Вуди сожалел лишь об одном: жаль было терять такого красивого ребенка. Он вошел в автобус и сошел с него, когда тот повернул на Найтсбридж. Ювелир в лавке, где было полным-полно колец и жемчужных ожерелий, купил у него оба кольца Аниты, заплатив тысячу фунтов. Вполне достаточно, чтобы купить отличный дом. Только дом он не хотел. Дом у него уже и так был, и после окончания войны он собирался его продать. Ювелир не задал ему никаких вопросов.

Вуди был свободен. Но так ли это было на самом деле? Конечно, нет, пока под дровами в летнем домике лежали два трупа. Он уже посматривал в их сторону, стоя в дверном проеме, когда миссис Мопп зашла в сад и сообщила, что его хочет видеть полицейский. Вуди захлопнул дверь и запер ее. На этот раз полицейских было уже двое. Он сказал им, что его жена серьезно больна и что он вечером собирается поехать к ней в Йоркшир. Они, казалось, удовлетворились этим объяснением, но ничего не ответили, когда он, слегка пожившись, спросил, зачем им понадобилась его супруга.

Он вспомнил про руки — белую и смуглую — в жестянке из-под печенья. Она была надежно спрятана там, где ее сможет найти только он, когда захочет вновь взглянуть на эти руки.

С тех пор как он прогнал детей из туннелей, туда больше никто не приходил, а теперь приближалась зима, слишком холодная и сырая, чтобы собираться

в подземельях. В один из промозглых ноябрьских вечеров, в непроглядной тьме, он пришел туда, зажег факел и спустился в туннель с жестяной коробкой от печенья в руках. Здесь все было пропитано влагой, и единственным звуком был звук падающих капель воды. Ему следовало быть осторожным. Не дай бог он поскользнется и упадет, да еще с этими отрезанными кистями. Придется звать на помощь. Да только кто его здесь услышит?

Вуди замер, размышляя и уставившись в глубокую яму, через которую, казалось, уходила вниз желтоватая глинистая вода. Дна не было видно, но он понимал, что вода все равно куда-то уходит. Вода всегда найдет себе дорогу.

Закрепив факел на краю ямы, он присел на корточки и опустил жестяную коробку в воду. В тусклом свете он увидел, как она проскользнула вниз, затем под тяжестью собственного веса опустилась еще ниже и, наконец, совсем исчезла в мутной воде. Вуди вскочил на ноги, едва не поскользнувшись и задев факел. Тот упал прямо в воду и тут же погас. Все погрузилось в темноту. Вуди резко обернулся, призывая себя к спокойствию, и начал с трудом, шаг за шагом, хватаясь руками за пучки травы, растущей на глиняных стенках, выбираться из туннеля. Впереди и чуть выше мелькнул свет. Это, должно быть, луна, потому что уличных фонарей никто не зажигал. Он взобрался наверх по скользким ступеням и, оказавшись на траве у края поля, увидел в небе круглую луну.

В ярком лунном свете он заметил, что весь перепачкался: руки, ботинки и штаны были покрыты пятнами желтой грязи. Рядом, слава богу, никого не